

достаточной базы, онъ не можетъ развить подлинной философской спекуляціи; замѣтить этотъ недостатокъ однако не легко, такъ какъ блестящій литературный талантъ Гейдеггера скрываетъ недочеты его мысли. Многія ученія Гейдеггера о жалкомъ эмпирическомъ бытіи человѣка прекрасно использованы въ замѣчательной, только что появившейся книгѣ Бердяева «О назначеніи человѣка», но это удалось ему потому, что онъ въ своей системѣ этики разсматриваетъ міръ и жизнь человѣка сверху и вслѣдствіе этого, зная все богатство бытія, находитъ правильное соотношеніе между положительными и отрицательными сторонами его.

Гурвичъ, сочувственно изложивъ основныя идеи Гейдеггера, дѣлаетъ рядъ важныхъ критическихъ замѣчаній и указываетъ, что безъ восхожденія къ Абсолютному нельзя рѣшить проблемы, ставимыя имъ; я бы прибавилъ къ этому, что для пониманія основныхъ свойствъ бытія нужно взойти не просто къ Абсолютному, а къ Абсолютному, усмотрѣнному также и въ томъ его аспектѣ, въ которомъ оно является намъ въ религиозномъ опытѣ, какъ Богъ.

Трудныя и сложныя ученія Гуссерля, Шелера и др. Гурвичъ даетъ читателю въ простой и ясной формѣ; свое изложеніе онъ снабдилъ цѣнными критическими замѣчаніями, которыя очень повышаютъ значеніе его книги.

Н. Лосскій.

Г. В. Флоровскій. Восточные Отцы IV-го вѣка. Парижъ, 1931. Изданіе YMCA-PRESS, 240 стр.

Всякій, кто вслѣдъ за Гегелемъ признаетъ единство человѣческаго духа и разсматриваетъ исторію философіи, какъ исторію развитія единой мысли, заранѣе предвидитъ, что такіе отдѣлы, какъ христіанская философія, развитая Отцами Церкви или средневѣковыми схоластиками, представляютъ собою цѣнное звено историческаго процесса; невниманіе къ этимъ отдѣламъ становленія мысли, забвеніе ихъ обиднало философію второй половины XIX в. Къ счастью, такая односторонность начинаетъ исчезать. Есть и внѣшніе признаки расширенія кругозора современной философіи. Приведу одинъ лишь примѣръ. Въ прежнихъ изданіяхъ «Исторіи философіи» Ибервега, въ томѣ, посвященномъ XIX вѣку, не было обзоровъ христіанской, именно католической философіи: ее игнорировали подъ тѣмъ предлогомъ, будто зависимость ея отъ религіи лишаетъ ее научной цѣнности. Въ послѣднемъ изданіи, появившемся года четыре тому назадъ, уже введенъ обзоръ католической философіи XIX-го вѣка. Еще большую цѣнность имѣетъ изученіе классическаго періода христіанской философіи. Нельзя поэтому не привѣтствовать широко задуманный трудъ Г. В. Флоровскаго «Богословіе Отцовъ Церкви», опубликовавшаго важнѣйшій выпускъ этого труда «Восточные Отцы IV-го вѣка», составляющій «почти самостоятельное цѣлое». Именно въ IV вѣкѣ нашей эры величайшіе Отцы Церкви, св. Афанасій Великій, Василій Великій, Гри-

горій Богословъ, Григорій Нисскій, разработали основной для христіанства догматъ Троичности, различили понятія сущности, иности, лица, понятие единосущія и т. п.

Многимъ кажется, что темы, волновавшія Отцовъ Церкви, имѣютъ только богословское значеніе и вовсе не интересны философу. Нетрудно однако показать, что это невѣрно. Достаточно привести нѣсколько примѣровъ, чтобы установить, что многія проблемы богословскаго изслѣдованія имѣютъ первостепенное значеніе для философіи. Такъ, всѣ почти Отцы Церкви развиваютъ не только положительное, но еще и отрицательное (апофатическое) богословіе, т. е. ученіе о томъ, что сущность Бога не выразима въ понятіяхъ и при сравненіи съ тварнымъ бытіемъ можетъ быть обозначена только отрицаніями. Идея «Божественнаго Ничто» наличествуетъ не только въ христіанскомъ богословіи: въ буддизмѣ она обозначена словомъ Нирвана, въ философіи Плотина она есть начало и конецъ всей его системы метафизики, Фихте въ своихъ «Наукословіяхъ», начиная съ 1800 г., ломаетъ голову надъ этою идеею въ связи съ проблемою міровой множественности и необходимости для нея имѣть въ своей основѣ Единство, Франкъ въ своей книгѣ «Предметъ знанія» съ абсолютною очевидностью показываетъ, что проблемы логики не разрѣшима безъ этой идеи. Но этого мало, нѣкоторое подобіе этого начала Василій Великій, Григорій Нисскій находятъ и въ предѣлахъ тварнаго бытія, говоря о сверхкачественной сущности даже и муравья; въ наше время эта мысль въ наиболѣе общедоступной формѣ пущена въ оборотъ Бергсономъ.

Спускаясь съ высотъ апофатическаго богословія къ богословію катафатическому (положительному), Отцы Церкви IV вѣка развиваютъ трудное ученіе о троичности Божественныхъ Лицъ и въ то-же время ихъ единосущіи. От. П. Флоренскій показалъ въ своей книгѣ «Столпы и утвержденіе истины», что принципъ единосущія имѣетъ основоположное значеніе не только для метафизики Божественнаго бытія, но и для ученія о мірѣ: философы, утверждающіе лишь подобосущіе, напр., личностей, т. е. утверждающіе, что каждая личность цѣликомъ по своему бытію замкнута въ себѣ и только вслѣдствіе большаго или меньшаго сходства личности могутъ быть логически подводимы подъ общіе виды и роды, даютъ кореннымъ образомъ иное представленіе о мірѣ, чѣмъ защитники единосущія, т. е. реальной слитности личностей въ одномъ отношеніи и неслитности ихъ въ другихъ отношеніяхъ. Зачатокъ такого ученія о единосущіи человѣчества можно найти у Григорія Нисскаго.

Кто усмотрѣлъ, что міровая системность, и вообще всякая множественность возможна не иначе, какъ на основѣ Сверхъединаго начала, выразиимаго лишь посредствомъ отрицаній, тотъ легко пойметъ вмѣстѣ съ тѣмъ основоположное значеніе центральной христіанской идеи Богочеловѣчества: міровое бытіе не только въ своемъ обоснованіи, но и во временныхъ своихъ обнаруженіяхъ возможно не иначе, какъ въ тѣсной связи съ Божественнымъ бытіемъ; четкая фор-

мула этой связи «неслициность», но и «нераздельность» была найдена в V вѣкѣ. Руководясь ею, можно выработать мировоззрѣніе, включающее въ себя всѣ цѣнные стороны пантеизма, но въ то-же время рѣзко отмежевывающееся отъ пантеизма и его недостатковъ.

Не буду останавливаться на выработанной христианствомъ идее личнаго бытія, какъ абсолютно цѣннаго начала: культурное и философское значеніе ея общеизвѣстно. Ограничусь также лишь упоминаніемъ такихъ, хотя и важныхъ, но все-же не всеобъемлющихъ идей, какъ различіе вѣвременнаго обоснованія и причиненія во времени, качественная множественность (терминъ Бергсона, понятіе выработано Отцами Церкви), непространственность души съ вытекающими отсюда слѣдствіями.

Для практической философіи, именно для ученія о цѣностяхъ вообще и для этики, отдѣлъ исторіи мысли, изучаемый Флоровскимъ, имѣетъ не меньшее значеніе. Ученіе о Богѣ, какъ «всеблаженной полнотѣ бытія» (св. Афанасій Великій), тождество безусловнаго бытія и блага (св. Григорій Нисскій), обоженіе, какъ цѣль человѣческой жизни — всѣ эти идеи даютъ основаніе системѣ аксіологии и этики (см. мою книгу «Цѣнность и бытіе. Богъ и Царство Божіе какъ основа цѣнностей»). Не только теоретическая разработка этики, но и весь строй современной культуры и особенно общественной жизни былъ бы глубоко преобразенъ, если бы въ широкихъ кругахъ общества распространилось совершенное пониманіе той истины, что высокой идеаль христианства, осуществленіе Царства Божія на основѣ любви къ Богу и всѣмъ тварямъ Его, слѣдовательно, на основѣ безкорыстнаго служенія абсолютнымъ цѣностямъ, предполагаетъ свободу. Величайшіе Отцы Церкви, показываетъ Флоровскій, отчетливо осознали, что христианскій идеаль, по самому существу своему, есть «жизнь въ свободѣ»: «тайна спасенія для желающихъ, а не для насильуемыхъ», говорилъ св. Григорій Богословъ.

Замѣчанія, сдѣланныя мною, далеко не исчерпываютъ содержанія цѣнной книги Г. В. Флоровскаго, но ихъ достаточно, чтобы показать, что предметъ его историческаго изслѣдованія изобилуетъ значительными темами, и что книга его представляетъ интересъ не только для богослова, но и для всякаго культурнаго человѣка.

Н. Лосскій.

Н. А. Бердяевъ. О назначеніи человѣка. Опытъ парадоксальной этики. Изд. «Современныя Записки», 1931.

Новая книга Н. А. Бердяева представляетъ собой выдающееся событіе въ русской философской литературѣ. Она въ чрезвычайно яркой и глубоко продуманной формѣ подводитъ итогъ многолѣтнимъ философскимъ исканіямъ автора и синтезируетъ ихъ плоды. Несмотря на громадную систематическую и историческую насыщенность книги, вибрирующей вмѣстѣ съ тѣмъ въ униссонъ со всѣми новѣйшими тенденціями современной мысли, она изложена общедоступно и читается легко и съ напряженнымъ интересомъ.